

ИВЕРСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ · ОРСК

ПРОТОИЕРЕЙ
СЕРГИЙ
БАРАНОВ

ЛЕТИ
ВЫСОКО!

ЖИЗНЬ КАК МОЛИТВА

протоиерей Сергей Баранов
Лети высоко!
Жизнь как молитва
Серия «Афонская традиция. XXI век»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57139023
Лети высоко! Жизнь как молитва: Нуея; Москва; 2020
ISBN 978-5-907307-20-9

Аннотация

«Перестаньте говорить о Христе. Начните говорить со Христом» – одна из главных фраз этой книги. Ее автор, наш современник, священник из уральского города Орска, отец шестерых детей, говорит нам об исихазме, о поиске Христа внутри своего сердца, об Иисусовой молитве. Мы привыкли читать это в творениях древних отцов – но оказывается, умным деланием можно жить и сегодня, в современном мире, ведь в Божественной реальности нет времени, и Христос ждет нас каждый день – на Кресте.

Это издание – переработанная версия книги протоиерея Сергея Баранова «К свету».

Содержание

Часть 1. Христос: здесь и сейчас	5
Тишина	5
Мое прощение – Его смерть	10
Ищу Иерусалим	12
Бежать ко Христу	28
Не хочу быть правым, хочу быть неправым	39
Возвращайтесь!	45
За своими	45
Убегающий бог	47
По образу и подобию	49
От смерти к жизни	52
Возвращайтесь!	56
Часть 2. Молитва – другая форма бытия	57
Вне времени	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

протоиерей
Сергий Баранов
Лети высоко!

Жизнь как молитва

© ООО ТД «Никея», 2020

© Баранов Сергей, прот., 2020

Часть 1. Христос: здесь и сейчас

Тишина

Тихая келия в безлюдном живописном ущелье
Святого Афона.

Я сижу у распахнутого настежь окна.

Ночь, тишина.

Мы читаем вечернюю службу по четкам.

Каждый в своей келии один перед Богом: «Господи
Иисусе Христе, помилуй мя грешнаго. Господи...»

Во весь оконный проем только чернота южной ночи
густо осыпана мириадами звезд.

Я вижу перед собой звезды, но не смотрю на них.

Я не вижу Бога, но я смотрю на Него.

«Господи Иисусе Христе, помилуй мя, Господи...»

Я должен смотреть только на Него.

Я хочу дышать только Им.

Смотреть безвидно, безобразно, но именно на Него.

Ничто не должно вставать между мной и Им.

Ни плохое, ни хорошее.

Ничто не должно отвлекать ум от Него, уводя
в мечту, иллюзию.

«Господи Иисусе Христе...»

Неспешно, по слогам, со вниманием, ничего больше.
Очень просто, смиренно, не мечтательно.

Просто в уме, просто в сердце.

«Господи Иисусе Христе, помилуй мя. Господи...»

Мимолетный образ, самый безобидный помысел,
и я теряю Его.

«Господи Иисусе Христе...»

Возвращая ум, я стараюсь не напрягаться, не быть жестким.

Мягко, смиренно, не допуская расстройств или сердитости, снова и снова: «Господи Иисусе Христе... Господи...»

Я знаю, что должен в борьбе быть мягким, гибким.
Иначе я преломлюсь.

Как бы плохо ни шло, спокойно и мягко:

«Господи Иисусе Христе...»

Даже со дна ада: «Господи Иисусе Христе...»

Спокойно и смиренно.

Глаза мои открыты, они видят перед собой картину звездного неба.

Но эти глаза – не весь я.

Глаза ума тоже видят.

Они могут видеть параллельно совсем другое.

Но и это другое я не хочу, потому что и ум – не весь я.

Есть еще что-то, чем я вижу, чувствую в глубине

сердца.

Но и там возможна ошибка, иллюзия.

Поэтому я освобождаю свой духовный труд от всего, с чем связано «я».

И говорю только Ему.

Только перед Ним:

«Господи Иисусе Христе, помилуй мя, Господи...»

Я не теряю только своей личности, не растворяю ее в небытии.

Но это все, что я позволяю оставить.

И это малое (или большое) стоит перед Ним.

Перед Огромным, Великим и в то же время простым.

«Господи Иисусе Христе, Господи...»

Почему я говорю снова и снова одно и то же?

Говорю потому, что это сладко для меня.

Моя душа, как невеста, твердит Имя своего Божественного Жениха.

И само Имя сладко ей.

А за Именем Он Сам.

Это не вопль жертвы перед грозным судьей.

В этом «помилуй мя» не то чтобы «не карай»,

в этом вопле скорее «не оставляй меня,

возлюбленный, потому что без Тебя ад!».

Это «не оставляй» – оно прямо сейчас.

Потому что только Господи, только Иисусе,

и я уже с Ним.

И Он со мной.

Только это с Ним мне и нужно.

Ни образа, ни чувства, никакого переживания, даже ответа или внимания со стороны Его.

Мне достаточно только этого малого:
«Господи Иисусе Христе, Господи...»

И все.

Все остальное, как желает Он, как решит Он.

Когда все для Него и ничего своего, тогда легко внимание.

Тогда чисто: «Господи Иисусе Христе...»

Это чисто не от греха.

Это чисто от всего, что не Он.

Это чисто – оно очень просто.

Потому что Он прост.

«Господи Иисусе Христе... Господи...»

Это должно быть очень просто.

Мне очень хочется говорить это просто, смиренно.

Смирение не высокоумствует, смирение благоговееет.

Благоговееет пред Ним.

Передо мной огромное южное небо.

Я вижу перед собой миллионы звезд.

Но я не смотрю на них.

Я не вижу Бога,

Но я смотрю на Него.
«Господи Иисусе Христе...
Господи!...»

Мое прощение – Его смерть

Я прошу прощения у Господа и у Богородицы, и Они сразу меня прощают. Все было просто и легко, пока Богородица не объяснила мне суть делания покаяния, и все стало очень серьезно и даже страшно. Они действительно прощают, и очень быстро. Но чтобы прекратилось бытие греха, за это кто-то должен умереть. Я не умираю, я прощен. Но умирает опять Господь. За каждый мой грех Он умирает очередной смертью и дает мне еще одно право на прощение, потом еще и еще...

Как-то в очередной раз я исповедовал свой грех, свое предательство Христа, переживал прощение, и вдруг мой взгляд встретился со взглядом Богородицы. Она была очень печальна. И в этот миг я понял как откровение, что действительно прощен совершенно, но за это прощение заплачена большая цена. Как 2000 лет назад на Голгофе, так и сейчас, здесь, на моей исповеди. Это уже не просто: «Прости», – «Прощаю», – и все. А вот и не все. Все для меня. А для Него? Для Него опять смерть.

И оказывается, все не так просто и легко. Соглашаясь на грех, я даю ему бытие, жизнь, энергию своей души. И он начинает быть, начинает действовать, отравлять все во мне и вокруг. Он становится моим страданием, моей болезнью. Даже пока я этого не замечаю и не отслеживаю, он меня мучает

и убивает. Он – мое со-бытие. Он во мне. И когда я это понимаю, я иду на исповедь к Нему, к моему Спасителю. Потому что вызвать грех к жизни, дать ему бытие – было в моей власти. А вот чтобы умертвить его, убить, нужна смерть, на которую я не готов, не способен.

Тогда Бог берет на Себя мой грех и умирает с ним, прекращая его бытие. Так было там, на Голгофе. Господь взял на Себя нашу человеческую плоть в полной мере с бытием греха, кроме сочувствия греху, взял на Себя такую плоть и умер с нею, убив грех. Страшная жертва. Если понять, что эта жертва не за Себя, а за недостойного человека, за меня. И это не только тогда, 2000 лет назад, это каждый день, каждый мой грех.

Я стоял перед Богородицей, понимая это, и в то же время боялся просить епитимьи, как маленького сострадания, соумирания с Ней, с Ним. Просил только полного прощения, понимая, какова будет цена для Нее и для Него.

Мое неисправление похоже на Гефсиманию, когда Господь страдал за нас до кровавого пота и говорил спящим ученикам: «Ну неужели вы не можете пободрствовать со Мной хотя бы немножко? За ваши же грехи».

Я ничего не делаю, ничего не хочу, не понуждаю себя хоть на малое. За меня все несет Христос. До кровавого пота. А я только говорю Ему: «Прости».

И Он прощает и умирает.

А я пока живу.

Ищу Иерусалим

Иерусалим. Старый город. Солнце вертикально над нашими головами. Жар его лучей проникает в самые укромные тенистые места узких улочек восточного города. Вокруг сотни людей со всего света находятся в разноциклическом движении. Кто-то в задумчивости замедлил шаг, кто-то застыл у лавки с сувенирами, кто-то спешит.

Мы идем по Виа Долороза, не упуская из виду поднятую руку гида, который постоянно что-то говорит, движется и говорит. Иногда создается впечатление, что он говорит сам с собой, так до автоматичности накатана его речь. Навстречу движется другая группа людей, им тоже говорят. Говорят быстро, потому что нужно много сказать, потому что есть что сказать, показать, объяснить. Куда ни повернись – вокруг тебя все пространство наполнено артефактами, историей, событиями. Концентрация истории тебя переполняет, кажется, что давно пройдена мера возможности вместить. Гид продолжает говорить, показывать, объяснять. Рядом другая группа, другой язык. Но все говорят об одном.

Виа Долороза. Здесь проходил Христос, в этом месте Он упал, здесь прикоснулся рукой, вы можете приложиться к этому месту, в этой точке была Его встреча с Матерью. Очень много информации об Иисусе Христе.

О Христе, Которого я люблю, Которым моя душа никогда

не может насытиться. Его не может быть много. Я Его хочу больше и больше. Но здесь и сейчас меня что-то начинает утомлять, разочаровывать, раздражать. Я еще не отдаю себе отчет в том, что происходит, не понимаю природу явления. Но вдруг мне захотелось остановиться, закрыть глаза, плотно зажать ладонями уши. И через некоторую паузу вдруг крикнуть в толпу: «Остановитесь, замолчите! Почему вы все говорите о Нем как о далекой исторической личности? Почему все время употребляются выражения „был, проходил, говорил, исцелял“? Почему вот это кощунственное прошедшее время? Люди, Он не „был“, Он есть здесь и сейчас. Разве вы это не понимаете? Почему вы этого не чувствуете, не переживаете? Как же так вы при Нем говорите о Нем в прошедшем времени? Так нельзя! Не хороните Его второй раз уже после того, как Он воскрес!»

* * *

Гефсиманский сад. Храм моления о чаше. Помещение переполнено, идет католическая месса, священник обращается к народу с проповедью о Христе. Он говорит проникновенно, горячо, производя на слушающих людей яркое эмоциональное впечатление. Он говорит о Христе, но опять в этом кощунственном прошедшем времени. Внимание всех приковано к той далекой исторической точке в Гефсиманском саду две тысячи лет назад. Я насытился информацией

и в то же время переживаю чувство жажды. Мне достаточно о Нем, я хочу Его Самого.

Господи Иисусе Христе, помилуй мя. Господи Иисусе Христе... Господи...

В Храме Гроба Господня, забившись в дальний темный угол, закрыв глаза, направляю ум в сердце, начинаю говорить с Ним. Господи Иисусе, Господи... Все становится на свои места. Я наконец попадаю в Иерусалим. Горний Иерусалим, который объективен здесь и сейчас. Я пришел. Здравствуй, Господи.

* * *

«Возлюблю Тебя, Господи, крепосте моя, Господь утверждение мое и прибежище мое».

Три раза я произношу эту фразу, целую дискос с Агнцем, Святую Чашу, престол. Завеса царских врат медленно отворяется, звучит Символ веры. Литургия верных входит в свою самую мистическую фазу.

«Станем добре, станем со страхом, вонмем».

С того времени, когда я взял себе за правило читать на литургии Иисусову молитву, она происходит во мне с первого возгласа и до последнего «Аминь», совершенно не отвлекая от хода службы, возгласений и тайных священнических молитв. Она просто проходит центральной нитью сквозь всю Божественную службу, особо усугубляясь в самые важные

возвышенные моменты на Херувимской песни и на пении «Милость мира» перед освящением Даров.

Я не могу дать оценку этой литургической ночи, ибо, пытаясь держать ум в молитве, невольно уходил от анализа происходящего. Ум молящийся не анализирует, он молится очень просто, чисто. Параллельно с ходом литургии в сердце звучало: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя, Господи, Господи...» Я воздел руки, чтобы произнести фразу: «Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа в третий час апостолам Твоим ниспославый...»

В этот момент ум мой остановился. Он перестал переживать что-либо, кроме Христа. Был только я и Он и больше ничего. Все отошло на второй план. Сердце замерло в трепетном мире. Все существо стало погружаться в состояние исступления. Еще минута, и я бы шагнул в иное духовное пространство. И вдруг на самой грани, на самом пороге этого перехода я неожиданно произнес фразу, которая вырвалась из моего сердца: «Господи, отойди от меня, ибо я человек грешный».

Слово «грешный» было ключевым в этой точке моего бытия, моего состояния. Эти слова когда-то произнес апостол Петр, еще будучи ветхозаветным Петром, не переродившимся своим глубоким покаянием. Эти же слова говорили многие ветхозаветные пророки в мистические моменты сугубого приближения Бога. Обостренное переживание своего ничтожества, греховного уродства, критического несоответствия

происходящему моменту было в этой точке моей литургии самым ярким, самым объективным состоянием.

Стоять перед Всесвятым Богом, Который весь свет, чистота, любовь, правда... стоять не в брачных белых одеждах, производя вонь и смрад, было выше моих сил, и я сделал шаг назад и сказал то, что сказал: «Отойди от меня, Господи, ибо я человек грешный, очень грешный».

Я переживал глубокую печаль, но в этом переживании не было отчаяния, которое опускает руки. Печаль была растворена надеждой, надежда рождалась не во мне, а приходила от Него, от Бога. В своем отчаянном духовном тупике я, как и апостол Петр, воскликнувший когда-то с жаром: «Да кто же может это понести?» – услышал мягкий кроткий голос Христа: «Человекам это невозможно. Богу возможно все».

Он показал мне направление, путь, приводящий снова в эту точку бытия, преодолеть которую моему грешному ничтожному человечеству оказалось невозможно.

Вступая на этот путь к Нему, я соглашаюсь на страшное сошествие во ад, ад моего ничтожества. Я должен согласиться открыть свой срам до самых глубин перед Ним и перед самим собой. Но даже этого я не могу сделать без Него. Глубина сердца смотрит мне в глаза непроглядной чернотой. Я не вижу самого себя, и тогда Спаситель опускается со мной, как Свет, освещая все мрачные закоулки моего бедного сердца. Свет во тьме светит, и тьма не объяла Его. Глубокое мрачное разочарование рождает крик. Это не я, не может быть,

я не такой. Гордость натягивается, как струна, которая вот-вот лопнет, рождая невероятную боль, разочарование. Как я мог, как я могу, как я теперь смогу любить себя таким?

Человекам это невозможно. Богу возможно все. Я твой Бог, Я люблю тебя даже таким, каким ты увидел себя сейчас.

Слезы блудного сына, уткнувшегося в отцовские колени, одновременно и жгут и греют меня.

Господи, что я должен сделать, чтобы вернуться?

Начни с нуля, согласишься стать рабом, считая себя недостойным сыновства. И тогда Я Сам выйду тебе навстречу, возьму под руку и введу в Царство.

Верую, Господи, помоги моему неверию. И да будет так.

* * *

Незадолго до Своих страшных страданий Господь на Тайной Вечере говорит ученикам: «Истинно, истинно говорю вам, один из вас предаст Меня». На что апостолы отвечают, как дети, в которых не было лукавства, и это было их главным достоинством, еще не мужественных, не мудрых, не просвещенных Духом Святым, большей частью косноязычных, – тогда у них было это сокровище, к которому прибавилось все остальное, – их искренность. Один за другим, наперебой, услышав пророчество Спасителя о предателе, они начинают с детской наивностью спрашивать: «Не я ли, Господи? Не я ли?» Все, вплоть до Иуды, который услышал на-

встречу короткое: «Ты сказал».

Слепая уверенность в самом себе непременно приведет человека к ошибке, неожиданному для него самого посрамлению. «Если и все отрекутся от Тебя, я не отрекусь», – воскликнул в те же дни в своем наивном безумии Петр и тут же, на следующий же день был посрамлен: «Не знаю этого Человека» – трижды. И трижды запел петух. Говорят, что с этого момента и до самой смерти красные глаза апостола часто слезоточили покаянным стыдом.

Не я ли, Господи?

Я переносюсь в эту далекую страшную ночь во двор дома первосвященника к костру рядом с Петром, дрожу больше не от холода, а от ужаса надвигающегося момента. Ко мне самому подходит рабыня и задает такой неудобный, неприятный вопрос: «И ты был с Иисусом?» Вопрос короткий и очень простой, который требует такого же определенного ответа. Но этот ответ вдруг застревает у меня в горле. Он проходит холодной дрожью сквозь меня всего от головы до пят. Сердце колотится, как безумное. Я плохо разбираю свой голос, я не верю ему, он говорит что-то неправильное, не то, что я хочу. Он говорит именно это: «Я не знаю этого Человека». Это как выстрел в самого себя, в свое сердце, и это уже произошло.

Но негодная, ненавистная женщина подходит во второй раз и в третий. И снова тот же результат. Страх настолько парализует меня, что я предаю опять и опять. Я ненавижу

себя за трусость, за жалкое ничтожество, но ничего не могу с собой сделать.

Господи, да кто же может это понести?

Человекам это невозможно. Богу возможно все.

* * *

«Помилуй мя, Боже, по велицей Твоей милости и по множеству величества Твоего очисти беззаконие мое...» Эти слова рождает Духом Святым сердце псалмопевца Давида, великого израильского царя, который от рождения предопределен быть не просто царем, но в первую очередь духовным вождем народа. Его сердце с юности горело благоговением к Богу, но одновременно это же сердце несло в себе греховное поражение, которое вошло в него с кровью матери.

«И во гресех роди мя мати моя...» – так говорит он сам о себе, ни в коем случае не унижая свою родительницу, а лишь констатируя факт этой мировой заразы, которую каждый живущий на земле наследует еще от Адама и Евы. В каждом из нас это соседствует параллельно – любовь к возвышенному, чистому, святому и самые срамные, низкие животные инстинкты.

Теплой южной ночью я выхожу на плоскую крышу традиционного восточного дома. Я выхожу в тишину полуночного часа, чтобы остаться в уединении, которое настроит серд-

це на разговор с Богом. Это – лучшие часы, и так было не раз. Мой задумчивый взгляд смотрит на звездное небо, опускается в линию ночного города, скользит неспешно от дома к дому, невольно останавливается на легком движении внутри одного из близлежащих дворов. Он останавливается, и в этом моя главная беда. Он останавливается, хотя должен был поспешить, сию минуту поспешить уйти оттуда, отвернуться, спуститься вниз, в покои. Но он останавливается, мой бедный ум. В ночной тишине, не подозревая, что ее могут видеть, молодая красивая женщина, обнажаясь, спускается в бассейн, освежая приятной водой свое юное тело. Несколько секунд назад мое сердце было переполнено святыми переживаниями присутствия Бога, с которым происходила беседа, встреча. Это было всего несколько секунд назад, и вдруг...

Я еще отдаю себе отчет в том, что можно и что нельзя, категорически нельзя. Отдаю себе отчет, но продолжаю смотреть, не отвожу взгляд, потому что мне это приятно. Сладость разливается по моему телу, доходя до самого сердца, отравляя его, делая безумным. Чем дальше происходит промедление, тем глубже входит в меня эта страсть, я буквально заболеваю, становлюсь совершенно другим человеком. Всего несколько минут неосторожности, и я в плену, сам не принадлежу себе.

На мою бедную шею набрасывают веревку и влекут, как раба, как скота, от той точки моего бытия, в которой я был с

Богом, влекут на сторону далече, где все будет по-другому. Уже завтрашним утром я буду, как безумный, искать информацию о Вирсавии, возможность встречи с ней, постоянно переступая совесть и страх Божий. Безумная страсть будет расти, раздуваться, переходить из одной формы в другую, потянет за собой другие грехи. А именно: узнав, что Вирсавия несвободна, принадлежит, как законная жена, моему близкому военачальнику, безумный страстный ум, как одержимый, будет искать возможности решить эту непростую задачу. Вслед за согласием на страсть я соглашаюсь на подлое ничтожное убийство, отправляя законного супруга на войну, в самое опасное место, в самое пекло, где он и погибнет.

Цель достигнута, объект страсти в моих объятиях. Счастлив ли я? Да, конечно. Да, наверное. В самый критический момент буйства плоти не чувствуется ничего, кроме наслаждения страстью. Сердце, как голодный, обезумевший пес, глотает, не прожевывая, куски пищи, набивает и набивает пустое брюхо, но наступает момент насыщения и пресыщения. Этот сорвавшийся с цепи пес падает в изнеможении, обожравшись и успокоившись.

«Помилуй мя, Боже, по велицей Твоей милости и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое». Откуда-то издалека, еле слышно, еле уловимо звучат в сердце слова, которые были близкими, родными, сладкими. Сначала еле уловимо, затем громче, громче. И вот они уже звучат в ушах, в голове и в сердце как набат, как приговор. Я пытаюсь скрыться

от них, убежать, отвернуться. Я обладаю долгожданным сокровищем, нужно наслаждаться, ничто не должно омрачать радость момента. Но вдруг происходит нечто от меня не зависящее. Тревога сгущается, тоска проступает из глубины сердца, поднимается острая боль, которая душит, заставляет ворочаться на постели, лишает сна, радости. Уже невыносимо, достаточно, но она растет больше и больше. В голове прогремело, как гром: «Предатель».

Я предал Того, Которого любил, Которому говорил в ночи там, на крыше, о своей верности, о любви, Который просил меня в заповедях не поступать так.

Я прошу тебя, слышишь?

Это было в моем сердце в первые секунды страсти. Это еще было, но я предпочел Ему эту низость.

В торжественную, благодарственную молитву Давида входит покаянный плач о своем ничтожестве. Глубокая покаянная молитва станет его спутницей до самой смерти. Эта же молитва боли и стыда должна стать и моей до последнего вздоха. Ибо что я против него? Ничтожный и жалкий в сравнении с этим великим библейским человеком, любящим Бога и возлюбленным Им.

Если в истории Давида, псалмопевца и царя, была такая страшная страница его падения, то кто же я как личность, на что способно мое личное ничтожество? На все, и это нужно не просто признать, это нужно усвоить и занозить в сердце, как занозу боли и страдания.

Не я ли, Господи, буду в следующий раз на крыше в тихую южную ночь?

Господи, спаси меня, погибаю.

Человекам это невозможно. Богу возможно все.

* * *

Он – объект ненависти, был, есть и будет. Настолько отвратителен поступок, неприятна сама личность, переполненная ничтожеством, завистью, корыстолюбием, предательством.

Иуда – имя нарицательное на все времена.

Мы, имеющие заповедь не судить, казалось бы, в одном-единственном случае без смущения для самих себя имеем право говорить об этой личности в презрительном тоне.

Но почему-то раз от раза произнося это имя, дальше я просто замолкаю, опуская глаза, стесняясь смотреть на людей, которые, кажется, могут сказать мне навстречу страшные слова: «Не ты ли?..» И моя совесть повторяет тот же неудобный вопрос: «Не я ли, Господи?»

Иудами не рождаются, ими становятся.

Если я буду жить невнимательно, легкомысленно, не воспитывая в себе совесть и мужество, процесс моего возрастания может стать фактом моего умаления. Обычная человеческая бережливость при неразумном стимулировании

ее может стать скупостью, жадностью, алчностью, безумием, которое доводит до убийства ради удовлетворения своей необузданной страсти.

Если я буду позволять себе завидовать чужим добродетелям, успехам, счастью, благополучию, мой духовный рост остановится, и, отставая, я возненавижу весь мир, опережающий меня.

Если я позволяю себе ложь, это войдет в привычку, и в какой-то момент ложь станет для меня правдой, а правда – ложью.

Если я позволяю животным, низменным страстям владеть мною, я стану животным в худшем смысле этого слова.

Если, если, если...

Остановись. Почему ты говоришь «если»? Разве ты отчасти уже не таков? В твоей жизни не было предательства, зависти, алчности, блудного срама, гнева, злости? Слово «если» может быть применимо лишь в одном смысле – если ты сейчас же это не увидишь, не признаешь в себе самом, если ты не ужаснешься, не содрогнешься, если из груди твоей не вырвется глубокий, печальный стон, стон непоправимого горя, который должен перейти в плач о самом себе, на всю жизнь.

«Господи, спаси меня, погибаю» – вот главный лейтмотив всей нашей духовной жизни, вот смысл.

Не я ли, Господи...

Это выражение становится моим спутником по Иерусали-

му, куда бы я ни пришел, к чему бы ни прикоснулся, во мне звучит эта фраза.

Злой параноик, безумный царь Ирод. Не я ли, Господи?
Воины, убивающие младенцев. Не я ли, Господи?

Злочестивая Иродиада и танцующая легкомысленная Саломея. Не я ли, Господи?

Слабовольный царь, ради неосторожного слова перед гостями не сумевший отказать в казни Иоанна Крестителя. Не я ли, Господи?

Тщеславные фарисеи и саддукеи, ослепшие в своей гордости, по сей день не видящие в Боге Бога. Не я ли, Господи?

Кричу: «Осанна!» – а завтра в жизненных искушениях и скорбях распинаю Господа своими обидами. Не я ли, Господи?

Лицемерно омываю руки с Пилатом, малодушно сваливающим вину на других и тем самым благословляющим убийство. Не я ли, Господи?

В каждой улочке Святого Града, в каждой исторической его точке мне находится место. Среди предателей, блудников, убийц, лжесвидетелей, лицемеров во мне звучит набатом: «Не я ли, Господи?» Не я ли? Я.

Я больше не верю в себя. Но человек без веры умирает. Он должен верить – это его стимул жить дальше.

Господи, я не верю в себя. Я верю в Тебя. Верую, Господи, помоги моему неверию.

Спаси мя, погибаю.

Иерусалим. Храм Гроба Господня. Я получаю сообщение с отчаянной просьбой о молитве за близкого человека.

Не кувуклия, не Голгофа, не камень помазания. Я забиваюсь в пещерную щель одного из тихих приделов. После всех пережитых покаянных моментов паломничества, утвердившегося видения своего иудства, ничтожества, во мне нет слов, просьб, прошений. Только глубокий скорбный вздох в сердце: «Господи!» В этот момент я вдруг перестаю быть как единоличная персона, как сам в себе. Во мне молится Бог, Он заполнил все мое существо. Он – это Я. И Я – это Он.

Аллегория сосуда, наполненного благодатью, здесь не подходит, она не точная, ибо остается разделение: сосуд и благодать, каждое само по себе в своей природе. Это скорее похоже на раскаленный металл, когда природа огня вошла в естество металла, и они стали одним. Это уже не огонь и не металл, это раскаленный металл.

Бог молится во мне, и Он чудотворит, решает невозможные вопросы. Человекам это невозможно, Богу возможно все. Это аксиома. Я в своем ничтожестве не могу ничего. Он может все. Я переполнен тайной.

Не я уже живу, но живет во мне Христос. Это удивительно, трепетно, необыкновенно. Пусть это длится вечно.

Но уже завтра... Завтра наступит завтра.

Не я ли, Господи?!

Бежать ко Христу

В Скитском патерике есть наставление старца своему ученику, в котором духовник говорит следующее: когда идет неприятель сильный, жестокий, один монах облачается в латы, берет оружие и встает навстречу врагу – это глупый монах. А мудрый – лезет на дерево.

Глупость первого в переоценке своих сил. Он, бедный, не понимает, не дает себе отчета в том, что силы неравны. Неравны настолько, что он не только не выстоит, он даже не задержит неприятеля ни на секунду. Его якобы красивая смерть не нужна никому, кроме его собственного тщеславия. Тот, кто надеется выстоять своими собственными силами, искусством, мужеством, уже побежден духом гордости и самомнения, который не позволяет ему трезво думать без эмоций.

Мудрый монах лезет на дерево, то есть, во-первых, бежит, но во-вторых – не в никуда, а туда, где помощь. Лезет на дерево, туда, где его Христос, – вверх.

Мудрый монах имеет природную скромность в оценке своих возможностей и опытность. Опытность, которая приобретена от исповеди к исповеди, от падения к вставанию и опять падению. В нем родился внутренний плач. Печаль о том, что он не просто великий грешник, а уже более о том, что он не в своей власти, что, печалясь о своих грехах, он

опять их повторяет. Плачет, встает и опять падает. Он подходит к грани отчаяния и там, на краю погибели, на краю ада, наконец начинает вопить: «Господи! Я не могу, я ничего не могу сделать, я сломлен, я в отчаянии. Очень хочу, но не могу сделать. Только Ты можешь мне помочь, сам я ничего – ноль! Господи, спаси, я погибаю!»

Наконец-то он становится мудрым монахом. Тем, кто лезет на дерево, то есть бежит ко Христу, его мудрость опытная, выстраданная – это духовный иммунитет, который будет работать не только на уровне рассудка, но уже в интуиции.

Я не случайно начинаю именно с этого примера. Не бороться с грехом, а избегать греха. Может, у совершенных происходит иначе, но для нас, слабых, все именно так. Мы бежим, но не просто бежим, мы спешим ко Христу, Христу Спасителю.

Грех начинается в голове. Он приходит в наши мысли во сне или из глубины нашей греховной памяти. Стоит в голове, раздражая наше сердце, ожидая сочувствия. Мудрый уже хорошо знает, что после грехопадения наших прародителей Адама и Евы человечество получило в наследство разбитый, расколовшийся внутренний мир. Ум, сердце и воля, которые были раньше соработниками, разлетелись в разные стороны.

Ум подвижника может трезво понимать, что грех – нехорошо, так нельзя поступать, а сердце вдруг сочувствует греху наперекор уму. Сердце пытается бороться, воли нет, вот нет и все. И мудрый монах понимает это, принимает как дан-

ность, как результат грехопадения, испорченности. Поэтому он боится медлить, не начинает бороться, а сразу бежит, бежит умом от этих мыслей. Он старается увести свой ум в сторону. Именно – в сторону Христа. «Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешнаго» – вот именно сюда.

Иначе, если просто от греховной мысли уйти в сторону другой нейтральной или даже доброй мысли – ум в движении от мысли к мысли, от впечатления к впечатлению опять придет к греху.

Наш грешный ум похож на непривязанного пса, который бродит где попало. Он может найти здоровую пищу, но может забрести и на помойку, что чаще всего и происходит.

Я хочу особо отметить, что беда наша не только в греховных мыслях, она – в непривязанности ума: в пустых мечтаниях, в иллюзиях, в мыслях на первый взгляд нейтральных и даже добрых. Потому что так получается, что если ум твой бродит, то он обязательно дойдет до «помойки».

Мудрый родитель постарается занять своего ребенка (не говорю обязательно о работе, просто занять), оставив поменьше времени на пустые и бессмысленные болтания. Чтобы ему некогда было шалить. Так и с умом: оставляя его праздным, мы позволяем ему бродить в пустоте – и он может забрести...

«Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». Многие расценивают чистоту сердца как чистоту от греховных помыслов, но сердце и ум можно завалить и кучей добрых помыслов, просто создать бардак из добрых вещей. Так вот, чистота сердца – это простота, несложность, незаваленность всяким скарбом. Почему чистые сердцем Бога узрят? Потому что между ними и Богом мало помех, они смотрят прямо на Него.

Но мы ведь не можем думать только о Боге, нам нужно и земным делам уделять внимание? Конечно, не можем, но если честно, как на исповеди, – у нас в сутках очень много минут, даже часов, когда возможно именно так: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешнаго».

Если мы будем находить время на эти занятия, наш ум приобретет навык бегать от плохих мыслей и переживаний. Бегать ко Христу и стоять возле Него безвидно, безобразно. Это очень важно. Мы должны стоять не в представлении себе Христа, не в иллюзии присутствия Бога, а перед Богом. Это разное: Бог, которого мы пытаемся себе нарисовать, представить, выдумать, – это наш бог, выдуманный, а тот Бог, который и есть на самом деле, Он открывается человеку Сам, а не человек открывает Его себе. Поэтому в молитве мы должны остановить свое творчество, перестать рисо-

вать, представлять, а позволить Богу Самому говорить о Себе. Именно по этой причине безвидно, безобразно мы просто держим ум сухим, простым, предельно простым, чтобы не заслонить своими впечатлениями образ Бога, Который всегда смотрит на нас. Все дело в том, что часто между Ним и нами стоит наше творчество, которое рисует, творит, переживает, мешает.

* * *

Мне хочется немного сказать о рассудительности. Сейчас об этом говорят, но нередко расплывчато, неопределенно. Чаще я вижу, что под этим понимают действие интеллекта. Я думаю, рассудительность – это дар Божий, это состояние харизматическое. Рассудительность духовная – это когда ты знаешь ответ не сам по себе, не свой собственный ответ на возникший вопрос, а когда ты говоришь от Духа Святого.

Именно так, ведь дар рассудительности всегда считался очень высоким даром в Церкви. Обратите внимание, я опять говорю, что этим даром обладают не академики и профессора, а люди, ведущие правильную духовную жизнь. Жизнь внимательную, молитвенную, сосредоточенную. Они обладают этим даром в сугубой степени. Мы тоже прикасаемся к этому дару Духа Святого – только в степени гораздо меньшей.

Наша рассудительность должна подсказывать нам, что мы

далеко не в совершенном состоянии, что наша жизнь полна ошибок. Поэтому мы должны быть осторожны в своих рассуждениях, больше советоваться, не принимать скоропалительных решений. Это тоже рассудительность, и для нашего уровня неплохая.

Вообще, часто мы знаем, как поступить, но наш сложный ум усложняет проблему чрезмерными рассуждениями, запутывает нас, приводит в растерянность, панику. Лучше бы мы молились. Молились правильно, то есть на молитве думали не о проблеме, а о Христе. Цель молитвы – не объяснять Господу, что у тебя случилось и почему. Разве Бог не знает? Цель молитвы – сам Христос, то есть нам нужно найти умом Христа и стоять перед Ним. Когда ты перед Ним, то уже можешь ничего не говорить, ничего не объяснять. Ты говоришь Ему просто: «Господи, Господи Иисусе Христе, помилуй меня». И это должно быть просто. Иначе сложность уведет тебя от Господа.

* * *

Мне хочется поговорить о послушании. О, какое это чудо, какое таинство, но хочется говорить об этом более глубоко, чем просто об исполнении поручений начальствующих. Дело не только в том, сделал ты или не сделал, а в том, как сделал, как внутренне об этом говоришь.

Несут два послушника бревно. Один включает добрый по-

мыслей: конечно, это бревно там не нужно, но я несу его потому, что это послушание, так велел игумен, я должен подчиняться, иначе – грех. Другой послушник несет и не позволяет себе говорить ничего, только «Господи Иисусе Христе, помилуй мя» и все. Так вот, тот, первый, хоть и с добрым помыслом, но все же в опасном положении, потому что ведь ум и сердце не всегда заодно. Ум говорит: нужно слушаться, а сердце трогает неприязнь к игумену, и ничего не поделаешь, сердцу не прикажешь.

Послушник добрым помыслом спровоцировал неприязнь к игумену потому, что неопытный. Опытный вообще не позволял бы помыслов в сторону игумена, ни добрых, ни плохих. Он держал бы свой ум привязанным – привязанным ко Христу, а там, где Христос, там чисто.

Многие святые отцы ставили послушание выше поста и молитвы. Так оно и есть, потому что молитва без послушания невозможна. Настоящее послушание, духовное, глубокое, делает ум несложным, непротиворечивым, неспорливым. Такой ум может чисто стоять перед Богом. Человек, свободный от помыслов, – я говорю, не с чистыми помыслами, а именно свободный от помыслов, – может стоять перед Богом лицом к лицу.

В западной церкви много внимания уделяют гуманизму и якобы через него приходят к Богу. На востоке ищут Бога и в Боге приобретают любовь ко всем.

Когда мы сдерживаем свои эмоции, добрые порывы, впе-

чатления, внешне это кажется сухостью, равнодушием... На самом деле мы сдерживаем свое, тронутое грехом, чтобы получить Божье от Бога, чистое и совершенное чувство любви и сострадания ко всякой твари.

И это будет уже не иллюзия добра и любви, это будет сама любовь.

Почему я говорю об иллюзиях? Проверьте себя, как несовершенны наши чувства, отношения, мы можем говорить сегодня «люблю», а завтра предавать, сердиться. Мы несовершенны сами по себе, мы можем совершенствоваться в Боге.

Поэтому мы ищем не добра, а Бога, и через Бога станем добрее, чище.

Так во всем: в первую очередь – Бог, а потом все остальное.

* * *

Многие говорят, что исполнением заповедей они приближаются к Богу. А у меня не получается исполнять заповеди. Хочу, пытаюсь, плачу – и не получается. Я думаю, ни у кого не получается потому, что если бы дело было только в заповедях, Христос оставил бы нам только заповеди. Но Он оставил Самого Себя, сказав: «Без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15: 5). Поэтому мы не пытаемся совершить только внешний подвиг. Мы понимаем, что он должен быть основан на правильной внутренней, умной жизни.

Правильная внутренняя жизнь приводит ум ко Христу. И во Христе внешний подвиг приобретает мудрое, рассудительное направление. Внешний подвиг несовершенен без умной жизни.

Умная жизнь – это не внутренняя борьба, это, как мы уже говорили, бегание борьбы. Бегание ко Христу. Даже в противоречии с грехом вы все же уделяете ему внимание, отдаете силы души. Лучше отдайте все это Христу. Даже в борьбе, в несогласии с грехом он, грех, все равно пачкает вашу душу, оставляет в ней память греха, и когда-то на эту память сердце может ответить сочувствием.

Пусть в вашем сердце всегда будет только Христос.

Вы можете сказать, что, не думая о грехах, мы можем перестать переживать свое несовершенство, свою испорченность. Если вы будете, ведя внутреннюю духовную жизнь, действительно приближаться ко Христу, вы начнете видеть Христом, слышать Христом, понимать от Духа Святого. И это видение позволит смотреть чисто, неискаженно и на себя, и на Христа. На себя, как на бедного грешника, бесконечно малого по сравнению с величиной совершенства Христа, Который по любви к нам нарушает эту дистанцию, шагая к нам навстречу.

Чистое сердце очень чутко видит и переживает грех. Поэтому все святые чем чище становились, тем больше плакали о себе.

Можно изучать свои грехи, копаться в них, как в навозе, и так приобретать смирение. А можно искать Христа как свет, как чистоту, как духовное зрение и так начинать видеть чутко, остро, неискаженно. То есть сначала – Христос, и во Христе – покаяние. Покаяние не то, которое ты из себя выдал, изобразил, а то, которое родилось от Духа Святого. Так во всем: сначала Христос, потом покаяние (нелицемерное). Сначала Христос, потом любовь (а Он и есть любовь).

Почему Господь оставил нам таинство Исповеди? Для того, чтобы мы могли, покаявшись искренне, услышав от Христа «Прощаю и отпускаю», перестать носить в себе память о грехе, как о грязи, которая пачкает сердце. Занози в своем сердце память о том, что ты очень большой грешник, но не перебирай, как драгоценные жемчужины, детали грехов. Держи свой ум там, где чисто.

Не нужно пытаться изменить мир, переживая за него, – ты и себя потеряешь, и мир не спасешь. Вместо пустых добрых переживаний подари миру что-то реальное. Подари святость. Если слишком высоко, то пусть это будет стремление к святости, искреннее, не иллюзорное. Но только ни в коем случае не собственную святость – это неправда. Святость – это отражение света Христова от себя. А чтобы отражать, нужно быть в Его лучах.

Будь всегда со Христом. Твои мысли, чувства, эмоции, переживания – пусть все это будешь не ты, пусть это будет Христос.

Жених – Христос, а ты лишь друг жениха. Друг – это так высоко и так ответственно.

Почему мы позволяем себе Иисусову молитву, почему говорим об умной жизни, разве мы святые или хотя бы праведные?

Нет, мы читаем Иисусову молитву именно потому, что мы грешники, очень большие, мы погибаем и ищем средство к спасению, и другого не находим.

Мы должны что-то делать, иначе – ад.

И по ложному смирению, которое сродни нерадению, отказываться от средства, которое дает Христос через святых отцов, было бы большой глупостью.

Не хочу быть правым, хочу быть неправым

Когда Адам и Ева лишились Бога, их ум помрачился, и они стали думать наоборот, перевернуто, они перестали понимать то, что надо, и стали понимать то, что не надо.

Страшное дело, когда человек имеет искреннее желание, искренние намерения, но в связи со своей перевернутостью все время делает наоборот. Он говорит: «Я хочу Бога» – и становится Его противником. Он говорит: «Я хочу любви» – и все время приходит к войне. Страшно, когда переворачивается идея Бога, мудрость Бога, Его правда – Божия правда, и люди все оценивают шиворот-навыворот.

Просто есть Божия правда и есть правда человеческая. И различаются они тем, что правда человеческая – это всегда факт, событие. А правда Божия – это результат. Часто две этих правды бывают совершенно противоположны.

Правда Божия – это вообще не идея и не мысль. Это – бытие. И бытие всегда благое.

* * *

Допустим, я в отчаянии скажу человеку правду как факт: «Ты грешник». А он пойдет и удавится. Я убью его, и как ре-

зультат моя правда станет неправдой. Или вот, например, у меня был такой случай. Исповедовалась одна женщина, которая когда-то изменила мужу. Сама она в этом давно рассказывалась, она любит мужа, и он ее любит – но об этой измене он не знает. И она говорит: «Меня совесть мучает, может, мне сказать ему?» Я говорю: «Нет, нет, нет. Не надо, потому что эта правда убьет ваши отношения, и вы расстанетесь. Правда Божия в том, что ты хоть и грешница, хоть у тебя и есть этот грех, о котором он не знает, но вы в любви, вы вместе».

Подобные примеры можно приводить бесконечно. Вот грехопадение Адама и Евы. Бог с любовью спрашивает Адама: «Не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть?» (Быт. 3: 11). И Адам начинает врать. Но в каком смысле врать? Как факт он говорит правду: «Жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел» (Быт. 3: 12). Но по отношению к Богу это – большая неправда. Адам оправдывается перед Ним, как бы валит на Него вину и предает любовь. И Ева в свою очередь говорит, что она ни при чем – это змей ее обольстил. И чем все закончилось? Они разделились с Богом, потеряли Его и остались одни со своей правдой. Разве им стало от этого лучше?

* * *

У тех, кто понял Христа, жизнь совершенно переворачивается! Они из тяготы окунаются в великую радость. Но по-

чему же люди тогда очень трудно принимают и понимают Христа? Потому что правду Божию принять сложнее, чем правду человеческую.

Когда Христос говорит: «Не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф. 5: 39) – человеческая правда этого не понимает. Потому что по-человечески это несправедливо! И человеческая справедливость бунтует. Если тебя ударили по щеке необоснованно, грубо, по-хамски, то ты должен ответить по человеческой правде!

А заповедь Бога о любви к врагам? Это по-человечески вообще безумие, это непостижимо.

И вот когда мы постоянно пытаемся все оценивать с точки зрения человеческой правды и справедливости – мы заходим в тупик.

Мы не понимаем Христа. Мы там, внутри себя, постоянно воюем с Ним. Мы никак не уясним, что Он нам говорит не о правде как факте, а о правде как результате.

Он говорит о мире и о любви, о том, что этот результат должен быть достигнут каким угодно средством – правдой или неправдой. Иначе, если этого нет, то никакая идея нас не согреет, не утешит, не умилиет, не исцелит. Сколько бы мы ни говорили: «Сахар, сахар, сахар», нам слаще не станет – пока мы кусок сахара не возьмем в рот.

Божья правда, я думаю, понимается и принимается больше не мозгами, а сердцем, интуицией. Если бы мы поняли

эту Божию правду, мы бы только ее и искали, мы бы возненавидели человеческую – потому что она постоянно приносит нам горе. В основе всех катаклизмов, всех революций, всех ссор – человеческая правда.

Наверное, очень редко человек сознательно творит зло. Чаще всего он думает, что отстаивает правду. Но это *его* правда, *его* понимание, *его* мировоззрение. И он борется за них, он даже ради этого убивает иногда! А результат? А результат часто получается очень страшный.

Когда мы ищем справедливости, мы убегаем от Бога. Когда мы ищем человеческой правды, мы поворачиваемся к Нему спиной, и нам постоянно плохо, плохо, плохо. Мы добиваемся этой человеческой правды и, казалось бы, должны быть удовлетворенными, радостными, должны чувствовать себя победителями, а нам все хуже, хуже, хуже... Потому что мы уходим от Бога дальше, дальше и дальше.

* * *

Мы не должны осуждать не только тогда, когда человек не прав, но даже когда он прав. Мы не должны осуждать вообще, в принципе! Потому что это отдаляет одного человека от другого, приносит вражду. Апостол Павел говорил, что хочет быть униженным за имя Христово. То есть он говорил о результате. Хотел быть со Христом и ради этого хотел быть неправым и оклеветанным.

Когда мы постоянно правы – это беда. Это делает нас дураками, дает нам право осуждать и разъединяться. Если мы постоянно правы – надо серьезно задуматься над этим, это должно вызывать тревогу. Ведь можно убедить в своей правоте весь мир – но остаться мертвым.

Конечно, если вы все время находитесь в человеческом мировоззрении, ваша правота должна вас удовлетворять и радовать. Но на самом деле это начало катастрофы. Лучше не допускать даже тонкой нотки радостного тщеславия, что вы правы. Наоборот, надо взмолиться Богу и сказать: «Господи, дай мне видеть мою неправду – и не дай мне видеть мою правду. Господи, не хочу быть правым, хочу быть неправым, даже когда я прав. Хочу даже быть униженным – только бы не правым». Потому что правота эта часто ведет к разделению и нелюбви.

* * *

Справедливость – это большая беда. Мой сын однажды сильно нахулиганил, и я его так отчихвостил! А потом не мог спать. Я его справедливо наказал, а спать не могу – сердце болит. Встал, пошел, обнял его...

Что нам мешает мириться? Чувство справедливости. Оно, это чувство, парализует всю нашу духовную деятельность. Если ты поссорился с Богом, тебя старец с Ним примирит. А если ты поссорился со старцем, кто тебя с ним примирит?

Знаете, бывает так, что споришь с кем-то, оказываешься неправым, твоя гордость болит и бунтует. Но стоит только расслабиться и сказать: «Господи, прости, я неправ», – и тут же как в темной комнате свет включили: раз – и Бог вошел. И твоя эта ломка, твоя горесть превращается сразу в радость. Потому что ты смирился. Да, ты неправый, но ты в радости. Ты оскорбленный, может, даже не по делу, – но ты в мире. Так что бойтесь как огня правды человеческой.

Евангелие совершенно не вписывается в рамки этого мира. Поэтому для многих оно неудобоваримо. Другие вроде бы понимают, что Евангелие – Божие, но оно очень мешает жить. И тогда его начинают трансформировать: брать какую-то часть и подстраивать под свое мировоззрение. Но это уже не настоящее Евангелие. Настоящее – чуждо человеческой правде. Потому что Его правда – это мир и любовь.

Возвращайтесь!

За своими

Я еду за своими. Лечу девять часов на самолете навстречу солнцу за тридевять земель в чужую страну, иную культуру, духовную традицию. Мне хочется их вернуть, я должен попытаться, ненавязчиво, с любовью, с терпением.

Почему они ушли так далеко на Восток в поисках истины, смысла, Бога?

Я пытаюсь их понять, войти в их мысли, переживания. И я прихожу к тому, что их вдохновляла жажда. Жажда духовной мистики, опытной, живой, которой они не получили в родном православии. Не получили, но это не значит, что у нас нет этого опыта, что он нам не знаком. Здесь я говорю не о личностном опыте каждого. В истории жизни Церкви есть сотни, тысячи преподобных, чей духовный опыт выходит за рамки, за границы принятого и понятного, опыт, который был мистически чрезвычайным настолько, что заставлял свидетелей сначала благоговейно замолкать перед этим неординарным явлением, а потом долго передавать с восторгом и удивлением увиденное и пережитое.

К сожалению, такие чрезвычайные явления в современном мире умяются, становятся редкими. Люди, формаль-

но относящие себя к православию, знают его больше в обрядовой форме, исторической, культурологической, этической, часто даже и не подозревая, что Церковь наполнена мистикой не только в таинствах, но и в двухтысячелетнем опыте личной внутренней умной молитвы. Опыт этой молитвы выстраивает не просто диалог с Богом, который по большей части можно назвать монологом с нашей стороны в сторону далекого, неведомого Бога. Эта практика умной молитвы приводит нас к соединению, сочетанию с Богом, к обожению нашей природы, для чего мы и созданы. Да, это оказывается редким, но не прекращается совсем. Это есть, это может быть, это должно быть, иначе религия становится философией. Перестает быть живой, бытийной, превращается в мертвую схоластику.

И, я думаю, те, кто ушли, – ушли от смерти, от духовного «ничто», они пошли искать далеко в чужие традиции – буддизм, индуизм, – искать то, чего не нашли в православии. Потому что редкое явление реального личностного духовного опыта создало впечатление, что этого опыта просто нет. Как нет и самого учения о молитве как о мистическом состоянии нашей души. Молитва стала называться чтением, вычитыванием, пропеванием, проговариванием, она перестала определяться как состояние.

Это разочаровывает пытливые, мистически талантливые души, выталкивает их из родной традиции в восточные культуры, в практики медитации.

Я лечу в Японию. Лечу не для того, чтобы рассказать соотечественникам о буддийской, синтоистской культуре, моя цель – открыть для многих сокровенный мистический опыт нашей православной умной молитвы. Эта традиция, учение является само по себе сверхъестественным, чрезвычайным. Но главное – результат, который оно дает: обожение, соединение нашей тварной природы с энергией Бога...

Убегающий бог

Религия без Бога – так часто определяют буддизм. Это совсем не означает, что в философии буддизма нет идеи Бога, стремления познания сверхъестественного. Буддизм очень много трудится в этом направлении. Но именно вопрос направления является ключевым в наших с ним различиях. Можно употреблять очень много труда, искренне-го, стабильного, пользоваться целым инструментарием технических, психофизических средств аскетики, некоторые из которых будут схожи в наших духовных практиках, но просто двигаться не в том направлении. Буддисты в практике медитации, концентрируясь на идее сверхъестественного, освобождают свой ум от впечатлений, переживаний, от любой сложности и направляют его вверх, в космос. Именно это направление не позволяет им познать персонального Бога. Ибо чем дальше и быстрее ум бежит в бесконечное пространство космоса, тем дальше удаляется от него Бог, Бог

как Личность, Персона, растворяясь, трансцендируясь в бесконечности Вселенной.

Это духовное явление я называю «убегающий бог». Бог, который становится богом-никто, никто как персона. Он переходит в область идеи, философии, о которой можно говорить, рассуждать, но никоим образом нельзя понять и познать.

Именно в направлении наши противоречия. Не в технических средствах, которые в некоторых деталях могут быть схожими. Православное направление практической мистики как подсказка, рекомендация изображено на древних византийских иконах. Обратная перспектива. Сознательное нарушение линейных законов. Если классические законы пространства сводят все линии в одну точку на линии горизонта, и именно так оно и есть в нашем физическом мире, то в древней византийской иконе перспектива строится наоборот – все линии направлены от горизонта – к тебе, и точка схождения их находится внутри тебя.

Направление поиска Бога – не в бесконечную необъятность космоса, где Он размывается в ничто, а наоборот, извне – внутрь тебя, собирая, линзируя Бога внутри твоего сердца, там, где находится твое личное «я», и именно там, в глубине сердца, происходит встреча с Личностью Бога – очень определенной, персональной.

Это погружение внутрь своего сердца тоже подразумевает максимальное сокращение своего эмоционально-впечат-

лительного состояния ума. Ума, который мы пытаемся через духовные практические упражнения сократить до простоты, малости точки. Эта духовная практика называется в православии умным деланием.

И тогда Бог из убегающего, постоянно трансцендирующегося становится Персоной, Которая движется в сторону тебя, буквально внутрь тебя, в самое сердце.

Евангельское понятие, данное нам Самим Христом о вхождении в Царство Небесное, аллегорически сравнивается с прохождением через игольное ушко. «Царство Небесное внутрь вас есть» (Лк. 17: 20–21) – так определенно говорит нам Божественный Учитель, «внутри вас», то есть в сердце. И до тех пор, пока мы будем эмоционально, впечатлительно широки, широки заботами мира сего, до тех пор широкое не пройдет тесным путем. Верблюд – сквозь игольное ушко.

По образу и подобию

В таинстве умной молитвы мы сознательно сокращаем свое творческое начало, ограничиваем его движение вдаль, в широту, утесняем себя эмоционально, впечатлительно, собираем, утесняем ум, не позволяя ему парить, мечтать, в какой-то мере переживать. Создается впечатление, и в некоторой мере так оно и есть, что мы убиваем в себе способность творить, переживать, жить.

Но если мы созданы по образу и подобию Божию, а Бог –

Творец, и творчество – это одно из основных Его качеств, то наше богоподобие не просто позволяет нам творить, оно в некотором смысле обязывает нас это делать. Происходит противоречие между ограничением, утеснением творческой силы души и смыслом нашего создания по образу и подобию, которое от природы своей стимулирует в нас творчество.

Противоречие устраняется приведением нашего творческого начала к его первоначальному смыслу – как его создавал Бог. Суть дела в том, что истинным вдохновением нашего творчества не является никакая другая сила или энергия, кроме Духа Святого. Все, что происходит от нас самих в связи с нашим несовершенством или через вдохновение от духов, чуждых Святому Духу, несет на себе печать несовершенства – и это еще в лучшем случае. Иногда творчество приобретает формы нравственного, эстетического и философского уродства. Так вот, в православной аскетике, в науке умного делания не стоит задача умертвить в нас творческое начало. Не умертвить, а преобразить, обожить. Чтобы вдохновляющей энергией, дающей творчеству динамику, наряду с нашей собственной силой была сила Святого Духа. То есть Сам Бог. Только это состояние можно назвать Божественной симфонией, симфонией Бога и человека.

Один святой говорил, что если бы возможно было просверлить земной шар насквозь и начать опускаться, то в какой-то момент, после центра земли, движение вниз перешло бы в движение вверх. Эта аллегория очень похожа на прак-

тику православной аскезы по утеснению психосоматической природы человека – впечатлений, эмоций, творческого начала – до простоты, малости точки. Но эта точка на самом деле не является тупиком нашего «я». Я бы назвал ее точкой линзирования, за которой происходит расширение в обратную сторону в спектральном богатстве света, разделенного на целую гамму цветов. Умирание переходит в преобразование.

И получается, православные аскетические ограничения создают рамки, но не убивающие творческое начало души, а дающие душе верное направление – сквозь точку встречи, преломления, за которой оказывается не тупик, а простор, широта творчества, уже не ограниченного эгоизмом.

«Троицу» Андрея Рублева никогда не смог бы написать человек ограниченного вдохновения. Это произведение совершенно свободно от земных рамок и стереотипов. Это не портрет Бога, к которому даже кощунственно подходить в технике и законах портрета. Это поэзия о Боге и Богу.

Обратите внимание, как свободны лучшие мастера византийской кисти от рамок и условностей земных принципов изображения. Конечная идея, задача ставилась выше традиций. Это и обратная перспектива, и нарушение пропорций законов анатомии – все это не замыкало иконописца в рабстве. Он сам – хозяин, повелитель этих законов, он заставлял их работать на себя в связи со своей духовно-творческой задачей.

Если творческая задача требует соединить печально-уми-

лительный наклон головы со взглядом прямо на зрителя, иконописец не задумываясь ломает анатомические линии и соединяет склоненную голову со взглядом.

Или – он не станет писать открытым красным цветом губы, которые будут «кричать». Иконописец все уравнивает простым смелым решением – этим же красным делает несколько штрихов, подчеркивая нос и складку глаз. И все на своих местах.

Посмотрите на историю жизни многих великих деятелей искусства, как трагичны их судьбы, надорван их внутренний мир. Кончина в психиатрическом надрыве великого Врубеля, драма Ван Гога – все это плоды непреображенного творчества, творчества, замыкающегося в самом себе, в психологическом тупике, который не дает радости жизни, а напротив, несет потерю смысла.

Самое главное, что мы должны понять, – Он и есть источник жизни, смысла и вдохновения. Наша самоизоляция от Него является движением в тупик, в никуда. Долгим ли будет этот путь или коротким, конец его один и тот же. Все, что не движется в сторону Источника жизни и вдохновения, умирает.

От смерти к жизни

Бытие духовного мира, в отличие от привычных законов мира сего, часто происходит вопреки. Духовный мир ирра-

ционален, полон антиномий. В это пространство не получается войти с инструментарием привычных стереотипов. Его нельзя мыслить и познавать в законах логики, которая часто заводит ум в духовные лабиринты. Духовное живет своей жизнью, и часто нам приходится смиряться с невозможностью понять детали, природу явлений. Но мы принимаем сверхъестественное по факту его бытия. Я вижу это как событие, как результат, хотя и не понимаю во всей глубине его природы.

Антиномии часто не поддаются логическому, рациональному мышлению, они входят в область веры – не философской, а бытийной, входят как факт, который есть, и по-другому не может быть, ибо в противном случае все рухнет.

Одним из самых сложных догматов православной веры является вочеловечение Бога, Его воплощение. Рациональный ум при всем желании, сочувствии не может вместить эту неместимую истину. Как Бог, Создатель бесконечной Вселенной, не ограниченный ни временем, ни пространством, вдруг ограничивается такой малостью, как человеческое тело, входит в материальный мир, живет по его законам. Многими эта деталь нашей веры воспринимается как слабое место, богословский примитивизм. Сокращение дистанции между бесконечно совершенным Богом и ограниченным человеком переживается как унижение, осквернение великости духовного.

Христианство не боится духовных противоречий, не ре-

туширует их, а часто сознательно подчеркивает, акцентирует ими свое вероучение. Воплощение Бога мы живем как акт веры. Этот акт оживляет для нас Бога, переводит Его из области трансцендентной философии в область бытия. Мы начинаем Его жить, Его бытие становится нашим бытием. Ибо останься Он за пределами своего совершенства непознаваемым, надмирным, трансцендентным – такой Бог умер бы для нас, перестал бы быть. Так как Он никоим образом не может войти в мое бытие, Он становится мертвым Богом, никем для меня лично. Он живет только в Себе, для Себя, но во мне Его нет. Нет как персоны, личности, Он становится фантазией, иллюзией, Богом, которого нет.

Это ужасно – оказаться в бесконечной бездне, черноте пространства и времени, оказаться совершенно одному, это мучительное одиночество, это ад. Мы привыкли оценивать себя в пространстве и протяженности своей земной жизни, которая наполнена красками, событиями, личностями вокруг нас.

Но оцените миг вашей жизни относительно бездны вечности. Оцените и содрогнитесь. Относительно вечности все это обесценивается, становится иллюзией, перестает быть. Если вместе с этим для нас перестает быть и Бог, то наступает холодная, зловещая чернота.

Но Свет во тьме светит, и тьма не объяла Его. Эти жизнеутверждающие слова оживляют нашу веру, укрепляют надежду, дают смысл. Бог не является заложником своей вели-

кости, надмирности, трансцендентности. Он, как Бог совершенный, Сам преодолевает эту дистанцию между Ним и человеком и становится по Своей благодати нашим Со-бытием. Бог из бесконечно далекого становится бесконечно близким Богом, Богом во мне. Неслитно и нераздельно. Происходит наше обожение.

«Вы Бози есте» – так Он говорит об этом, так Он хочет, так Он творит. От нас нужно только согласие на данный акт – из великого разъединения Бога и человека сотворить великое же соединение. Тот же момент нашей веры, который казался, на первый взгляд, слабым звеном, оказывается во главе угла, как весь смысл нашего бытия.

Оживает Бог, становится Богом живым, бытийным. «Аз есмь» – так Он говорит Сам о Себе, Я есть не просто Сам в Себе, Я есть для вас, Я есть в вас. И оживает человек, оживает за пределами своей земной ограниченной жизни. Его жизнь перестает быть мгновенной вспышкой, мгновенной относительно вечности. Она сама входит в вечную жизнь вечного Бога.

Бог становится человеком, чтобы сделать человека Богом. Ни в одной религии, философии нет такой смелой, такой дерзкой догматики. Чтобы так мыслить, так учить, так жить, нужно перестать быть *homo sapiens* – человеком разумным, нужно стать *homo divinus* – человеком обожённым. И никак иначе.

Возвращайтесь!

Человеку в младенчестве его духовного опыта свойственно уклоняться «одесную» и «ошуюю», пока не выстроились, не выковались в горниле его жизненных искушений, исканий правильные ориентиры, задающие безопасный вектор движения. Движения в сторону благой цели. Никто не благ, как только Бог. Взрослейте, выходите на прямую дорогу, ведущую вверх.

Взрослейте и возвращайтесь. Возвращайтесь в дом Отца вашего. Он ждет вас.

Он не может просто ждать, Он выходит вам навстречу.

Бог, выходящий навстречу, самый дорогой и великий в Своем смирении и любви. Это наш Бог.

Бог, Которого знают христиане.

Часть 2. Молитва – другая форма бытия

Вне времени

Однажды преподобный Паисий Афонский, как он сам рассказывал, уединившись в своей отшельнической келье, исполнял монашеское правило. В тишине сердце было настроено на тихую, мирную, внимательную молитву. В какой-то момент душа преподобного стала мягко переходить в состояние созерцания, и он увидел Нетварный Свет, который заполнил собой все пространство кельи и самого Паисия. Он, этот Свет, пронизывал, наполнял все существо преподобного миром и неэкзальтированным, тихим блаженством, которое приводило святого в состояние кротости и смирения.

Сколько длилось это состояние созерцания Нетварного Света Божия, отец Паисий не мог сказать. После посещения благодати он стал приходить понемногу в себя, присел на стул. Взял со стола стакан с водой и попил, потом через какое-то время что-то скушал... и заплакал. Заплакал оттого, что буквально некоторое время назад он был весь пронизан неземной благодатью и вдруг, только еще она отошла, как

он потянулся к таким простым, земным вещам, как ястие и питье.

Преподобный после опыта посещения Духом Святым пережил очень остро и больно свое человечество, которое требует своего.

«Я, прах и пепел, – рассуждал отец Паисий, – должен был после встречи с Господом забыть не только о еде, но и о самом себе. Ну какой я все же еще земной...»

Посещение Божие бедного человека всегда сопровождается чувством своего недостойнства и глубокого покаяния, в отличие от прелестных бесовских состояний, которые искушают подвижника мнением о себе, о своем достоинстве.

Приводя этот пример, хочу остановиться на другом моменте, а именно на том, что и преподобный Паисий, и все великие отцы Церкви отмечали, что во время прихода обильной благодати в состоянии созерцания всегда теряли счет времени или, лучше сказать, выходили из времени. Соединяясь с Господом, в состоянии обожения они входили в Его свойства, одним из которых является пребывание вне времени. Ныне и присно, и во веки веков неизменно. Сколько человек пребывает в исступлении, – может, день, может быть, пять минут, – он не понимает. У Господа один день как тысяча лет и тысяча лет как один день.

Однажды мы беседовали с моим другом, иеромонахом, который не мог понять и, в связи с этим, принять практику быстрого чтения молитвы Иисусовой. Он был образованным, грамотным, логическим человеком, и мне пришлось объяснять ему логически.

«Скажи, пожалуйста, как быстрее ты сможешь читать книгу – вслух проговаривая слова или про себя умом?» – «Конечно, умом». – «Тогда пойдем дальше. Ты образованный, должен знать технику быстрого чтения, когда взгляд и ум пробегают по странице текста, не отвлекаясь на литературную его часть, а выхватывая сам смысл без лингвистических особенностей». – «Да, есть такое».

Но если такое возможно со сложным повествовательным текстом, в котором мысли и события постоянно меняются, тем более это возможно с короткой молитвой, которая одна и та же. Мы ее говорим и говорим, не делая промежутков, в которые может войти постороннее. А затем, когда она становится привычкой, ее хочется говорить и говорить больше и больше, как только останавливается одна, ты говоришь уже другую, совершенно не теряя внимания и не отвлекаясь ни на что. Наша цель – не внимание, а Бог. Внимание – это лишь средство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.